

СОБЕСЕДНИК

Важнейший рубеж

Интервью с главным редактором журнала «Литература в школе» Надеждой КРУПИНОЙ

— Надежда Леонидовна, вашему журналу в этом августе исполнилось сто лет. Получается, он стал выходить тогда же, когда началась Первая мировая война?

— Да. Первоначально он именовался «Родной язык в школе», но многие статьи были посвящены преподаванию литературы, анализу художественных произведений и внеклассной работе по предмету. Ясно, что тот первый номер создавался заранее, к новому учебному году. Это ещё мирный номер о насущных проблемах словесников: о том, какие произведения интересны для учеников, об отношении детей к классным и домашним сочинениям, об организации читальни в школе, о драматизации (инсценировании) литературных произведений. Но уже в ноябре журнал открывался статьёй «Мировая война и долг педагога», утверждающей, как важно особенно в дни испытаний приобщать детей к «художественной летописи духовной жизни народа — родной литературе... к тем нравственно-гражданским элементам, которые сокрыты в образах нашего прекрасного слова».

Сейчас мы переживаем новый удар по Русскому миру, и вместе с этим приходит острое чувство необходимости единения народа для сохранения нашей Родины, её истории, традиций, культуры. Воссоединение Крыма с Россией вернуло нам не только замечательный полуостров, но и пробудило национальную гордость, заставило заново переосмыслить многие исторические события. Важнейшим событием современной российской истории — возвращению в семью великой России родного Крыма, столетию начала Первой мировой войны и вековому юбилею самого журнала посвящён августовский спецвыпуск «Литература в школе: Крым».

— Для чего, по-вашему, нужен предмет «Литература в школе»? Может, нужен иной термин, нежели «изучение» литературы?

— Главная надежда всех мам или пап, бабушек и дедушек, коими мы почти все являемся, — в том, чтобы наши дети и внуки выросли достойными людьми, любили родителей, не бросали их в старости, не оставляли детей сиротами, честно трудились, любили нашу страну.

Среди школьных дисциплин литература является основным предметом, который обращён прежде всего к человеку. Она формирует целостную картину мира, представление об истории страны, показывает многообразные связи человека с государством, обществом, людей друг с другом, учит дружить, даёт высокие образцы любви, верности, преданности, самопожертвования, долга...

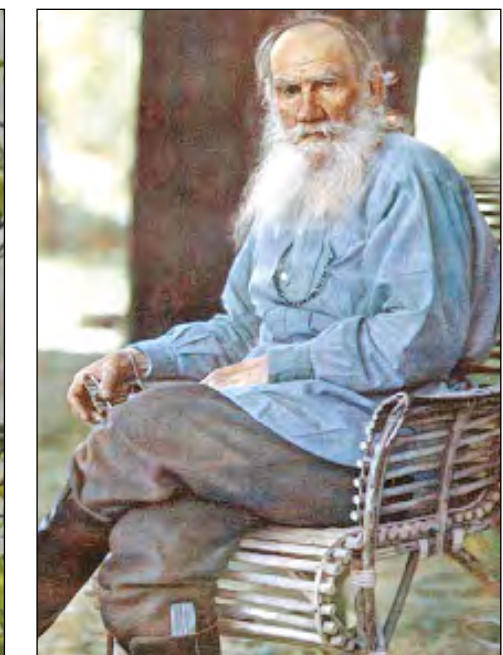
Многие видят главную задачу литературного образования в воспитании читателя. С этим нельзя не согласиться: хороший читатель умеет высказать своё мнение о прочитанном, свои чувства, аргументировать оценку... Его высказывание интересно, когда в суждении о книге проявляются личность, жизненная позиция ученика. Но для меня как для учителя очень важно было всегда, чтобы хороший читатель рос хорошим человеком, достойным гражданином. Литература помогает этому, как никакой другой предмет. Чтение художественных произведений, осмысление их духовно-нравственной сути вызывает переживание множества судеб, поступков, событий и обогащает школьника, кем бы он ни стал в будущем: врачом, рабочим или сотрудником банка.

Теперь о термине «изучение». В понятие предмета «Литература» входит не только прочтение художественных произведений, но и умение в них разобраться. Надо, чтобы ребёнок прочёл произведение с интересом, чтобы оно его задело, заставило думать, анализировать, соглашаться или спорить с автором. А этому надо учить. Надо, чтобы ребёнок усвоил элементарные литературоведческие понятия для выражения своих мыслей о произведении: род, жанр, композиция, сюжет, герой, автор, тема, основная мысль и др. Чтобы мог выразить своё отношение не в виде однозначного «нравится — не нравится», а в логичном, развёрнутом суждении обозначить авторскую позицию, мог обосновать свою точку зрения.

Окончание на стр. 3

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

«Всехняя» усадьба

Все дороги ведут в Ясную Поляну. Так могли бы сказать все Волконские-Толстые. Дед писателя, князь Н.С. Волконский, после службы в Петербурге, Берлине, Архангельске оказался в Ясной Поляне, где решил обосноваться и создать свой «экскуртант Вселенной». Здесь всё было устроено им уютно, «изящно и не пошло, и твёрдо, прочно, капитально» (Лев Толстой).

Для юного Толстого, родившегося в Ясной Поляне, это место было воплощённым раем, «великим наслаждением», несказанным счастьем, о чём он впоследствии написал в повести «Детство» и в своих воспоминаниях. Здесь он «ловил рыбу», «бегал на гору и под гору», ездил на дедушкином кабриолете, запряжённом роскошными гнедыми, ел сочный, свежий творог и пил сливки, густые как сметана, прямо из крынки... Каждая вещь здесь приобретала для него особую прелесть, если, конечно, имела свою родословную. Любимый рабочий письменный стол напоминал от отца, «счастливый» кожаный диван — от матери, мебель из красного дерева, составившая в доме «уголок серьёзных бесед», — о деле. Не имея о нём документальных свидетельств, Л.Н. Толстой компенсировал этот пробел, наслаждаясь воспоминаниями близких о князе Волконском: его избыточном фронтёрстве, горделивом отказе жениться на фаворитке светлейшего

князя Потёмкина, опале. В реальности всё было куда прозаичнее. Но понимание памяти по-толовски — это «искусство украшать реальность». Для него не так важны были сами факты, как их интерпретация.

Реконструируя чудное прошлое Ясной Поляны, Л.Н. Толстой создавал любопытный прецедент вневременного действия: творил шедевр тождества бывшего с настоящим. Его страстное желание во всём повторить дела, а не отца, увенчалось торжеством схожести, повторяемости, рождающим чувство победы над временем. Это, пожалуй, и стало главным условием существования его усадьбы, неустанно повторяющей самой себя, создавая, таким образом, иллюзию застывшего мгновения, вечного присутствия матери и деда.

Однажды яснополянская усадьба превратилась в объект его молодецкой экспансии, которая завершилась продажей 32-комнатного фамильного дома. Исчезновение этого «старинного друга» можно истолковать по-разному. Прежде всего эстетическим побуждением. Просевшая образы любимой усадьбы, Толстой старался оставлять то, что вписывалось в его представление о красоте. Его концепция красоты была ориентирована скорее на скромное обаяние двух одиноких изящных флигелей, чем на помпезное громоздкое сооруже-

ние большого дома с дорическим портиком, более пригодного для городской среды. Неслучайно чуткий к красоте его старший брат Николай подметил, что после продажи дома облик усадьбы не пострадал.

В нескольких шагах от дома писателя разместились регулярный парк Клины, старые тёмные липовые аллеи которого наполнены священным сумраком воспоминаний... Этот сад особенно прекрасен летом, когда всё вокруг полнится благоуханием, пенем птиц, дремотным солнечным светом, проникающим сквозь причудливую вязь старых деревьев. В густых кронах лип водилось множество певчих птиц — соловьёв, дроздов, иволг, сов и ястребов. Сам Толстой дал Клинам ёмкое определение — «квадрат и звезда»: четыре аллеи образуют прямоугольник, перерезанный диагональными и средними дорожками, словно солнечными лучами. Так получились клинья, которые и определили название регулярного сада.

В садово-парковом искусстве царят свои законы: смена стилей здесь происходит медленно. Князь Волконский не хотел расставаться со старым липовым парком. Он стал необходим ему для меланхолических одиноких прогулок, позднее — его дочери для романтических встреч, а дальше и внуку для уединённых молитв. Музыка в парке была желанной и негнётным

атрибутом. Но после того как Волконский покинул парк, оркестр умолк; музыканты расхлылись, спеша заняться своими будничными делами: флейтист превратился в повара, скрипач — в садовника, потому что все оркестранты были дворовыми князя.

Для деда писателя ежедневные прогулки под звуки симфоний Гайдна означали полноту жизни усадьбы. Потом наступало время для прогулок княжны, его дочери. Слушая музыку, она садилась «на диванчик из берёз с корою», чтобы предаться грустному созерцанию. Любовь к тишине, надёжно охраняемая стеной из лип, отличала всех яснополянских обитателей. Поэтому здесь устраивались «зелёные гостиные» со скамейками и столами, а уже при внуке — «зелёный кабинет» с письменным столом, приносимым слугой Сидорковым.

Парк Клины, существовавший ещё до появления Волконского в усадьбе, не был творением толстовского деда. Чёткая геометрия линий не пришлась ему по вкусу. Свой сад он стал возделывать на прихотливом рельефе, на месте большого оврага в свободном «агличком» стиле. Вдохновителем и наставником его стал Жак Делиль, автор поэмы «Сады» и популяризатор пейзажного искусства, а заодно и мудрый воспитатель добрых чувств к природе. Вдохновившись мыслью «во всём, всегда, везде природе подражать», князь «не впустил» в парк «холодного металла» и тем самым «не оскорбил природу». Главной интригой его ландшафтного творчества стала система прудов и купы живописных деревьев различных пород.

Окончание на стр. 2

АЛЬТЕР-ЕГЭ

Рейтинги и топы... вместо учёбы

О недопустимой ЕГЭ-зависимости в оценке работы учителя

Основные проблемы содержания и преподавания русского языка в современной школе известны и понятны профессиональному сообществу. По-прежнему настоятельно требуют решения вопросы:

Соответствует ли содержанию образования в 5–9-х классах содержанию итоговой аттестации в 9-м классе? Есть ли самостоятельное содержание предмета в 10–11-х классах и соответствует ли оно содержанию итоговой аттестации в 11-м классе? Является ли результат ЕГЭ результатом работы учителя по предмету «Русский язык»? Можно ли сводить всю работу учителя к выставленным рейтингам ЕГЭ?

Пытаясь найти ответы на поставленные вопросы, мы ещё раз пересмотрели стандарты, программы, учебники по русскому языку как основной, так и старшей школы. И пришли к выводу: содержание предмета «Русский язык» традиционно, стабильно, научно, содержание итоговой аттестации в 5–9-х классах соответствует, за исключением сочинения на лингвистическую тему, для написания которого нет полноценной содержательной базы, и даже не столько в элементах содержания, сколько в методической системе изложения материала и невозможности учителя за отведённое количество часов (два часа в неделю!) а ведь в 9-м классе нужно полностью изучить «Сложное предложение» и подготовить к формату ГИА) систематизировать материал. Содержание курса 5–9-х классов по русскому языку, таким образом, нуждается в дополнительном методическом структурировании.

Несколько иная ситуация с преподаванием русского языка в старшей школе. Считается, что базовый курс русского языка в школе завершается в 9-м классе. В 10–11-х классах — повторение, «углубление». На деле это не так. В старших классах, несомненно, есть самостоятельное содержание предмета изучения. Это в первую очередь изучение системы языка в её развитии и современном состоянии. Обучение пониманию текста на языковом и содержательном уровнях, информационная обработка текста. Совершенствование устной и письменной речи учащихся на основе современных языковых норм. Постигание языка в его идентичности, красоте, изменчивости и традициях. Формирование культуры мышления на родном языке.

Принципы системности, межпредметности, ориентации на текст, коммуникативности изучения русского языка не потеряны. Они остаются в программах, находят своё отражение в учебниках. Но не реализуются на этапе старшей школы в практике преподавания, потому что мы имеем следующую ситуацию: учителя в 10–11-х классах готовят к ЕГЭ, полностью игнорируя содержание предмета в 10–11-х классах. Но это уже не проблема содержания курса русского языка в старшей школе, и даже не проблема содержания КИМов ЕГЭ. Это проблема практики преподавания. И решить её можно: на федеральном документальном уровне запретить оценивать работу учителя по результатам ЕГЭ. Пока существует тесная управленческая, финансовая связь между результатами ЕГЭ и работой учителя мы не вернём содержания образования в 10–11-х классах к

его самостоятельности и целостности и будем по-прежнему терять системность и научность в преподавании языка: содержание ЕГЭ в 11-м классе только на уровне базовых знаний и навыков отражает содержание предмета в старшей школе. То есть ЕГЭ никак не может быть итоговым контролем качества изучения предмета.

Сейчас по результатам ЕГЭ видно: дети в большинстве своём не понимают авторский текст (интересна в этом смысле статья Михаила Тарасова «Сплошь прискорбные результаты. Эксперт о ЕГЭ по русскому языку»): «Я могу отметить положительную тенденцию: раньше были такие работы, в которых вообще демонстрировалось странное расхождение умений и ума ребёнка. Он понимал что-то, но категорически не мог выразить. Теперь таких работ нет. Это свидетельство работы учителей. Сегодняшние выпускники не стали лучше понимать текст, а писать стали лучше. И если мы с одной задачей справились, то и с другой — задачей понимания текста — можем справиться». Добавлю: сможем справиться, если учитель наконец-то займётся преподаванием русского языка, а не подготовкой к ЕГЭ в течение двух лет. Очевидно: без полной реализации содержания обучения в 10–11-х классах результаты будут ещё прискорбнее. Надо заставить учителя следовать программам преподавания в старшей школе. Как? Не оценкой деятельности в формате ЕГЭ, а мониторингом прохождения программы. В настоящее время есть центры независимой экспертизы, например Статград, МЦКО... Достоинные материалы, приемлемая систе-

ма оценки основных компетенций учащихся. Беда одна: как и в прошлом году на ЕГЭ, так и в этом учебном году перед проведением любого из видов мониторинга по программе ответы есть в интернете за 2–3 дня до начала тестирования.

Есть ещё одна достойная форма независимой оценки как знаний учащихся, так и труда учителя. Это — сочинение. Сочинение — как форма экзамена выпускного вполне соответствует целям и задачам курса русского языка. В этом году дети 10-го класса писали «метапредметное сочинение» с использованием интернета. Потратили всё время на компиляцию. Сочинение проверяли учителя-предметники на основе «метапредметных» критериев, например, количество цитат. Если цитат в сочинении менее двух, то уже надо ставить 80–89 баллов, что, впрочем, тоже оценивается отметкой «5». Речь об орфографии вообще не идёт, вероятно, потому что это сочинение по литературе. Поспешное, надуманное решение о введении такого типа сочинения, конечно, не может быть итоговой работой.

Раньше писали выпускное сочинение по русскому языку и литературе. И ставилось две отметки. Почему бы не вернуться к этому опыту? Ведь именно самостоятельный анализ текста, личностная позиция, владение нормами русского языка — не этого ли мы хотим от выпускника? Можно предложить и сочинения на свободную тему. Если вернуться к такой форме итоговой аттестации, то вполне можно говорить на основе результатов об оценке труда учителя.

Ольга ЗАЙЦЕВА,
кандидат педагогических наук,
заслуженный учитель РФ, учитель
школы № 2097 г. Москва

ДО САМОЙ СУТИ

«Лучше тебя нет!»

Не так давно довелось мне выступать в районной библиотеке, аккуратно в День матери. Этот американский праздник назначили у нас на последнее воскресенье ноября. Русский ноябрь с невразумительным «народным единством», неадекватно заменившим ритуальные «октябрьские», и так-то пережить мудрено. А тут надо оформлять зал, собирать публику и, конечно, готовить хоть какую программу. И вот на небольшом возвышении, символизирующее сцену, выходит мальчонка и начинает — тихо, но очень уверенно: «... Мама, мама! Я помню руки твои с того менования, как я стал сознавать себя на свете».

Публику, как обычно на таких мероприятиях, составляли в основном люди пожилые. Да ещё подвижническая классная дама привела группу из соседнего общежития медицинского колледжа. Будущие акушерки и медсёстры (среди них необъяснимо затесалась парочка медбратьев) откровенно отбывали повинность. А мальчик тем временем набирал голосок: «...но больше всего на веки вечные запомнил я, как нежно глядели эти руки, чуть-чуть шершавые и такие прохладные и тёплые, как они гладили мои волосы и шею, и грудь... И ты глядела на меня... такая тихая, светлая...»

Зал сперва напряжённо молчал, вспоминая... К финалу уже плакали, кажется, все. Даже медбратья жвачку за щеками затаили. Так бывает, когда люди слышат нечто эмоционально ожидаемое, близкое и ответно чувствуют нечто заложенное в самом их существе. А я вдруг поняла, что Фадеева вовсе не голословно называли «красным Толстым». И не столько из-за довольно натянутой параллели между «Разгромом» и «Войной и миром», но прежде всего — из-за этого монолога о материнских руках, о нежной тактильной связи между матерью и ребёнком. Сравните с текстом Фадеева строки из толстовской повести «Детство»: «Когда я стараюсь вспомнить мамушку такую, какою она была в это время, мне представляются только её карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь... нежная сухая рука, которая так часто меня ласкала и которую я так часто целовал...»

При чём тут Толстой? При том, что Лев наш Николаевич — непревзойдённый проводник русского материнского начала — одного из символов веры народа, который Родину неизменно и нерасторжимо ассоциирует с матерью (в отличие от нордического отцовского фатерланда). Сейчас, когда культ матери сохранился только в криминальном мире, а во многих европейских странах слова «отец» и «мать» заменили на «один из родителей» и даже «опекун», сохранить традиции эмоциональные не менее, а может, и более важно, чем культурные и бытовые. Литературовед и санскриолог, уроженец Таврической губернии Д. Овсянко-Куликовский образ Натальи Николаевны Иртеневой из повести «Детство» считал неудачей: «...этот образ как бы подёрнут туманом, он — не портрет живого человека, он — почти бледный призрак, вызванный из загробного мира». При этом профессор Новороссийского университета Овсянко-Куликовский гадался, что при создании образа «Толстым руководила именно потребность узнать свою мать, постигнуть её руку, почувствовать её несуществующую материнскую ласку и любовь». Профессор не мог не понимать, что одна из причин этой «туманности» — раннее сиротство Толстого: матери он лишился в полтора года, отца — в семь лет. Толстой недаром писал: «Как реальное физическое существо, — я не могу себе представить её. Я отчасти рад этому, потому что в предательстве любви и ней есть только её духовный облик, и всё, что я знал о ней, — всё прекрасно...»

Лишь совсем недавно исследовательница из Казани Т. Карпеева по этому «духовному облику» разгадала изобразительную загадку повести «Детство»: «Портрет матери создан по законам иконописи. Икона способствует преображению нашего естества, катарсису, исцелению, а созерцание иконы предполагает собрание человека к

тому, что в нём самое главное, к его центру, к образу Божию в нём». Кому-то эта версия, может быть, покажется натянутой, как любая сакрализация литературного текста. Но следующей «информацией», которую «возбудила» в Льево Николаевиче неутраченная память о матери, Марии Николаевне Волконской, стал образ Марии Николаевны Болконской, княжны Марьи, кроткой жертвенницы, нравственного идеала женщины в представлениях автора.

Литературовед Е. Базарова замечательно описала опору и упование русской аристократической литературы на женщин: «Л.Н. Толстой верно отобразил преобладающую в России середины XIX в. модель воспитания в дворянских семьях. Эта модель характеризуется, в частности, доминированием женского начала; во-вторых, некоторым возвышением, идеализацией образа матери; в-третьих, неприменным наличием, выражаемым языком психоаналитиков, «промежуточных объектов» — функционально «материнских фигур», всех незабвенных «нянюшек»,

виновата их мать (в повести — Мария Александровна). Но, как сказал Лев Николаевич в заметках о чеховской «Душечке», «бое познание спас его». Ведь и в замысле «Детства» лежал показ судьбы несчастного молодого человека, сироты и бастарда, а в итоге вышла лирическая поэма памяти.

Повесть «Мать» осталась недописанной. Однако недописанное Толстым полное завершённое и переизданное сонмом нетолстов. В набросках обозначена тема материнской верности, невозможности предать даже «неудачное» дитя: «Больше всех она любила говорить о Пете. Это был неудавшийся член семьи, проматывавший всё, что имел, не плативший долгов и мучавший больше всех других свою мать. Но она больше всех любила его, сквозь его гадости видя и любя его «золотое сердце»...»

Но есть у Толстого ещё одна фабула, которую невозможно не заметить и которая наиболее сильно пострадала в постмодернистских «дискурсах» и «нарративах». Это — верность ребёнка матери и памяти о ней. Княжна Мария, впрочем, так же истою служит самодуру-отцу и убивается после его кончины. Но общий вектор от этого не меняется. Начатая «Детством», фабула находит полное выражение, безусловно, в «Анне Карениной». Многоуровневая и полифоничная структура романа включает и «зарифмованное» противопоставление двух матерей — «счастливой» Долли и «несчастной» Анны. Долли Облонская словно закрывается детьми от мысли о муже, «который не любил её». Жизнь Анны с нелюбимым мужем наполнена любовью к сыну, «хотя свою роль любящей матери она несколько преувеличенно подчёркивала». То есть Серёжа для Анны — тоже прикрытие той «фальши», которую чувствует Долли в семье золовки. Но Долли — после уговоров Анны — остаётся тянуть свою семейную лямку, тогда как Анну необоримая страсть к Вронскому заставляет перешагнуть через сына.

Сцену тайного свидания Анны с Серёжей В. Набоков куртуазно назвал «очаровательной». А упомянутый Овсянко-Куликовский — «одной из самых изумительных, одной из самых бессмертных страниц во всемирной литературе». Эта сцена и правда уникальна по многим параметрам сразу. Остановимся лишь на ключевом. Страшная ложь Каренина-старшего устами своей клеветки Лидии Ивановны — ложь о смерти Анны — не могла пройти мимо сознания 10-летнего мальчика. Можно только догадываться, как Серёжа мучился и страдал при мысли о том, что его мамы больше нет. Но Толстой опускает преамбулу, которая литературно была бы чрезвычайно выгодна, — он ни словом не обмолвливается о терзаниях мальчика, оставляя главное: Серёжа либо действительно не допускает мысли о смерти матери, либо при её появлении прибегает ко лжи «во спасение»: «— Ты не думал, что я умерла? — Никогда не верил». В этом диалоге Николаев Иртенев словно переключается со своим старшим братом (Николенке 6 лет). Но и Анна адекватна с Натальей Николаевной, задавая сакраментальный вопрос: «Ты не забудешь меня?» (ср. в «Детстве»: «Если не забудешь твоей татан, ты её не забудешь»). Николаевка потеряла мать — и навсегда обрёл её образ. Не поддавшись на жестокий обмен взрослых Серёжа — вскоре потеряет. Но произволением своего автора, его проникновением в детский мир этих придуманных мальчиков и нашим читательским одушевлением героев и сочувствием им оба останутся верны своим матерям и не осквернят их памяти.

Ощущение маленького Серёжи: «...он видел, что она страдает, и ему было жаль её», кажется, навсегда потеряно писателями, сочинившими на русском языке и поведавшими за последние десятилетия и о своих матерях, и о «промежуточных объектах», кажется, все возможные гадости. Но неужели невротические откровения Павла Санаева о душевной боли бабушке равновесны короткому сыновнему возгласу Серёжи Каренина: «Лучше тебя нет!..»?

МАРИНА КУДИМОВА

ПРАВИЛА ИГРЫ

Дети и соцсети

Непринуждённое письменное общение в интернете — разновидности, функции, особенности

Интернет во многом формирует речевую среду, в которой общаются современные дети. Значительную часть свободного времени школьники проводят в интернете, в том числе в соцсетях. С их появлением в нашу жизнь вошло и необычайно развилось **непринуждённое письменное общение**. Раньше формы подобного общения можно было пересчитать по пальцам: личная переписка, записки, которые обменивались, например, школьники на уроках («— Катка — дура!» — «Сама дура!») или родственники («Котлеты в холодильнике, не опоздай в музыкалку! Мама»), доска объявлений, книга отзывов и предложений, личный дневник, надписи на заборках — вот, пожалуй, и всё.

Можно сказать, что распространение интернета привело к настоящей революции в сфере непринуждённой письменной речи.

Качество этих текстов не всегда высокое. Множество текстов в интернете написаны с орфографическими, грамматическими, стилистическими и прочими ошибками, малопонятны, бессодержательны, пресыщены матерной лексикой и т.п. Однако не следует думать, что в нерегламентированных сферах речевого общения царит анархия. Здесь стихийно устанавливаются свои нормы речевого поведения, и дети достаточно быстро начинают в них ориентироваться.

Соцсети — тренировочная площадка, где дети учатся излагать свои мысли; они предоставляют возможность писать тексты самых разных жанров (от заметок бытового характера до рассуждений на абстрактные темы о жизни, искусстве, политике). Автор текста не связан «заданием», не боится «получить двойку», может писать что хочет, когда хочет, о чём хочет, сколько хочет и как хочет.

Эти «что», «где» и «как» зависят от коммуникативной задачи и способа (структурной рамки) общения. И, конечно, от адресата — для кого пишется текст: для одного, для группы людей или для всех. От этих факторов зависит форма итогового текста, степень его завершённости, соответствие орфографическим и грамматическим нормам, употребление в нём этикетных формул и т.п.

Для личной переписки существует **электронная почта** — аналог традиционной, а также возможность написать личное сообщение на форуме или в соцсети. Здесь, пожалуй, самое существенное отличие от бумажных писем заключается в том, что мы обычно видим историю переписки с адресатом, поэтому этикетная часть (приветствие и прощание) часто сокращается. Если тема обсуждается в нескольких письмах, то вполне уместно ограничиться краткой информативной репликой («Да, всё поняла или Хорошо, подъеду завтра в два»). Также вместо длинных вводных фраз вроде: «Ты спрашивала меня, когда начнутся занятия...» можно просто вставить цитату из предыдущего письма. **Системы быстрого обмена сообщениями** — ICQ (Аська), google talk, чаты и т.п. удобны, если нужно быстро что-то обсудить или просто пообщаться. Эта форма наиболее приближена к устной речи, недаром для её обозначения используется слово «чат» (от англ. *chat* — болтовня, беседа). В отличие от электронных писем такие «тексты» не всегда даже сохраняются на сайте. Это сиюминутное общение, обычно между хорошо знакомыми людьми, в непринуждённой обстановке. Подобная переписка не предназначена для длительного хранения и перечитывания.

Именно поэтому для экономии времени пишущие почти не ставят знаков препинания, не используют заглавные буквы, сокращают слова, не исправляют опечатки, но это не мешает успешной коммуникации. Главная задача — сохранить темп общения, приближённый к устному обмену репликами, поэтому более вежливо ответить быстро (пусть с опечатками), чем заставлять собеседника ждать. Собеседники обмениваются обычно короткими фразами. Чтобы не ждать, люди в процессе такого разговора часто печатают одновременно, поэтому реплики идут внахлёст,

иногда параллельно обсуждается сразу несколько тем.

Длинные приветствия здесь также не нужны. Вполне подойдёт короткое: — Ты здесь? или Катя, а? при возобновлении разговора вместо привет могут написать *Всё, я вернулась или Прости, мама отвлекла*. Общение может не иметь выраженного конца, т.е. не завершаться формальным прощанием. Часто разговор по ICQ идёт фоновым, сопровождающим основную деятельность за компьютером, беседа может затухать и возобновляться в течение дня без дополнительных формальностей.

Коммуникация на **форумах** и в **сообществах** организуется обычно по тематическому принципу (туризм, музыка, кулинария и т.п.). Общение на **форуме** кардинально отличается от общения по ICQ. Это уже публичное общение людей, часто незнакомых между собой в реальности. Требования к текстам здесь гораздо выше. Как правило, нормы поведения на том или ином форуме прописаны в Правилах и Часто задаваемых вопросах (FAQ), также там обычно существуют модераторы, которые следят за выполнением этих норм. Иногда эти правила касаются не только поведения, а имеют более частный характер (например, как оформлять записи, формулировать заголовки).

Другой вид коммуникативного пространства представляют **блоги**. Это, разумеется, не дневник в классическом понимании, а некоторый оксюморон — **публичный дневник**, специально предназначенный для прочтения другими людьми. Пишущий, как правило, располагает временем, поэтому может придать своему тексту тот вид, который соответствует замыслу, — от гладкого художественного или публицистического до нескольких бессвязных слов.

Другие пользователи могут писать комментарии к записям в блоге (постам) и к другим комментариям. Пользователи могут вступать в отношения «друзья». Понятие дружбы в блогах отличается, естественно, от общепринятого значения этого слова. Один пользователь, добавив другого в список «друзей», сможет быстро просматривать его записи в «ленте друзей» (*френдленте*). Существуют публичные записи, которые видят все; записи, которые видит только сам пользователь; записи для друзей или определённой части друзей — так называемые группы. Разные «места» и способы общения используются для разных целей (например, Инстаграм специально нацелен на публикацию фотографий, Твиттер — на короткие сообщения, в Живом Журнале уместны развёрнутые рассказы о себе, обсуждение волнующих автора проблем и т.п.).

Задача учителя-словесника не отвергать, а анализировать вместе с учениками особенности разных видов общения в интернете. Это хороший повод поговорить о разнице между непринуждённым и публичным общением — как устным, так и письменным (как мы говорим дома и с друзьями и как надо говорить в официальной обстановке, чем отличается письмо другу от письма в официальное учреждение, почему в чате ошибки и опечатки не так страшны, а в блоге писать с ошибками некрасиво).

Стоит рассказать ученикам, что язык «падонкафф» был придуман людьми, безусловно, грамотными и хорошо владеющими нормами литературного языка, и попросить их посчитать, сколько ошибок в словах *превед, афтар и пацталом*. А если при подсчёте возникнут затруднения — объяснить, где проходит грань между языковой игрой и безграмотностью.

Можно попросить учеников описать одно и то же событие в форме сообщения в Твиттере, поста в блоге, смс другу, электронного письма и т.п.

Попросить их задуматься, как они выбирают вариант общения в Сети (на «ты» или на «вы») и какие правила действуют при личном общении.

АННА ЗНАДВОРОВА,
кандидат филологических наук,
ст. научный сотрудник ИРЯ
им. В.В. Виноградова РАН

Михаил Врубель. «Свидание Анны Карениной с сыном», 1878 г.

«мамушек» и «бабушек» русской литературы... И неслучайно поэтому русскую культуру называют по преимуществу женской в том смысле, что почти непременными чертами мужчин-персонажей литературы прошлого века были такие «женские» черты, как повышенная эмоциональность, душевная тонкость, чувствость, избыточная рефлексия».

«Женское воспитание», однако, не испортило классиков отечественной словесности и нимало не навредило их маскулинности. А тенденция постепенно, по мере включения женщин в процесс индустриализации, пошла вниз и стала общенародной, что отразилось в строке Е. Евтушенко «Россия наша держится на бабушках». Хотя есть у Толстого и «отрицательные» матери. Взять хотя княжну Курагину, завидующую молодости своей дочери. Или мать Вронского, которая довольно незанятно связью сына в том числе потому, «что столь понравившаяся ей Каренина... была всё-таки такая же, как и все красивые и порядочные женщины, по понятиям графини Вронской». Но иконописный образ татан словно на всю жизнь задал великому писателю планку идеала. И по завету той, неосязаемой: «Смотри, всегда люби меня, никогда не забывай». — Толстой перед единственной иконой, которую признавал, пожизненно служил торжественную литургию, посвящённую Матери.

Всем памятна толстовская матрона, как графиня Ростова или тётюшка Ахросимова, у которой, напомним, четыре сына служат Отечеству. Да и Наташа в финале становится почтенной матерью семейства. Но мало кто знает, что не только Горький, но и Толстой писал повесть «Мать» (1891 г.), где хотел на примере своей семьи показать, что во всём, что не нравилось ему в собственных детях,

нашли отражение в описании ночи в повести «Юность».

Ясная Поляна со времён родителей писателя представляла собой волшебный мир ароматов, буйство красок, свойственных усадьбному миру. Она не представляла без роз, тюльпанов, гиацинтов, ландышей... Смысл такого буйного роскошного цветения не в пользе и выгоде, а в возвышении души. Для хозяйки Ясной Поляны «самые простые травы и полевые цветы могли служить приятнейшим дневником». Ими-то и стали тетради М.Н. Волконской, матери писателя, атрибутированной более ста культурных и дикорастущих растений Ясной Поляны. Она успела описать все цветы, прораставшие на клумбах и в рабатках усадьбы, среди которых — маки, турецкие гвоздики, левкой, дельфиниум, воздушный жасмин, розы... Софья Андреевна, её невестка, была также большой любительницей цветочных работок и клумб, которых было около двадцати.

Усадьбный мир Ясной Поляны был немыслимо для деда писателя, а потом и для его внука без яблочного аромата. Князь Волконский был первым из владельцев усадьбы, кто заложил за гумном и ригой сад на шесть десятин, впоследствии названный Старым садом. Его внук, став хозяином усадьбы, увеличил эту площадь до 40 гектаров. В его записных книжках мелькают такие записи: «Сад увеличить и яблоню». За этой лаконичной строкой скрывается целая программа по садоводству от Толстого-помещика. Он преобразовал огромные пустошавшие земли: партеры перед бывшим домом и левым флигелем, между Красной аллеей и Чепыжом, а также за речкой Воронкой и за Нижним парком. Как в ту пору говорили, яблок было «обелом», усадьба утопала в розовом тумане и яблочном аромате. Семь тысяч яблоневых деревьев — это сплошной бело-розовый дым в пору весеннего цветения.

Получив 185 десятин леса, Н.С. Волконский увеличил эту территорию более чем в два раза — до 440 десятин. Садовые, лесные преобразования были обусловлены заботой о красоте и пользе. Для Толстого Ясная Поляна была его самой любимой «книгой», которую он читал, как захватывающий роман о своих предках в течение всей своей долгой жизни. Он «слышал» в шелесте листьев садов, парков, лесов не только голоса деда, отца и матери, но и голос genius loci, гения места, который словно благословил его на такие грандиозные преобразования родной усадьбы.

Сохраняя память предков, в то же время преуспел он и в некоторой модернизации. Он акклиматизировал усадьбу до «неусадьбной» простоты, убрав отовсюду ампирные излишки; начав с розовой покраски архитектурного усадьбного ансамбля, потом заменил её на белую. И завершил демонтаж дома, в кото-

ром родился. Он был прежде всего художником.

Теперь Ясная Поляна живёт за Толстого. Тишина, щебет птиц, журчанье ручья, опьяняющий запах цветов. Идешь по этой земле, и тихо стелется трава под ногами. К вечеру знаменитый Калинов луг окутан белым туманом. В его мутной гуще прядется засечный лес. Спустился время поднимается красный шар восходящего солнца и усадьба одаряет нас своими ностальгическими переживаниями. Кажется, что она всё та же, как при Толстом. Поэтому мы по-прежнему стремимся сюда, чтобы поймать таинственную субстанцию времени, увидеть своими глазами всё так, как было тогда, при нём. И Ясная Поляна предоставляет нам эту уникальную возможность.

НИНА НИКИТИНА,
ведущий научный сотрудник музея-заповедника «Ясная Поляна», заслуженный работник культуры РФ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГЕОГРАФИЯ

«Всехняя» усадьба

Окончание. Начало на стр. 1

Для внука же Нижний парк стал местом молитв. Дух романтизма напоминал ему о матери, которая умерла, когда Лёве-рёве не было и двух лет. Находясь в токсичном состоянии, он приходил сюда, молился, желал «прильнуть» к ней и быть её «утешителем». Прогуливаясь по дорожкам парка, он искал следы её ног и находил их повсюду — в серебристых тополях, посаженных в виде ротонды, в зеркала прудов, в уединённой берёзово-ореховой аллее, в беседке-вышке, стоявшей на самой высокой точке рельефа — над обрывом, почти над пропастью. С беседки открывался роскошный вид на Посольскую дорогу и окрестности вокруг неё. Беседка была приподнята и поставлена на четырёх высоких столбах. Поднимаясь сюда, мать словно раздвигала пространство, проникала за горизонт видимости, вспоминала люби-

мого Коку, своего мужа. Позднее из места созерцания оно превратилось для неё в место надрывных ожиданий...

Была у деда ещё и другая страсть — оранжерея, которая являлась непременным атрибутом барского образа жизни. Он непременно демонстрировал гостям выращенные здесь дыни, арбузы, персики и другие экзотические плоды. Молодой Толстой поддерживал деловские оранжереи в порядке, он выращивал тут персиковые деревья, сливы, трушки, которые продавал до 250 калок. Развивал здесь цикорий, выращивал кофейные деревья. Но главный смысл оранжереи был, конечно, не в этом, а в писательстве. Летом он энергично писал здесь, горячая близость: «Мой адрес — в оранжерее». В 1867 году оранжереи сторели дотла, а вместе с ними и растения, которые росли и радовали целых три поколения. Лиризм, таинственность оранжерей с галереями, рождавшие у Толстого грёзы о сча-

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Перед «Войной и миром»

Изучение творчества Льва Толстого я начинаю с вступительного слова – первой лекции в цикле толстовских уроков. Вот основные тезисы этого вступления:

► Жизнь Л. Толстого – от Пушкина (в год рождения Толстого ещё не закончен «Евгений Онегин») до Ахматовой (в 1910 году уже печатала свои стихи); в 1910 г. родился Твардовский. При этом писателя всегда отличала поразительная духовная самостоятельность; он ничего не принимал на веру, не соглашался ни с какими авторитетами – всё всегда решал по-своему, «из себя».

► Л.Н. Толстому свойственно чёткое различие временного (сиюминутного, мимолетного) и вечного; его постоянный интерес именно к вечному – к тому, что важно для любого человека всегда (Бог, смерть, любовь, семья, природа, искусство); ЛТ всегда умел задавать главные вопросы (эти вопросы могли казаться детскими – но они-то и были самыми главными).

► С этим связано различие уровней бытия – поверхностного (отсюда, например, скептическое отношение ЛТ к современной ему журналистике) и глубинного; этим путём – к постижению смысла бытия – идут и герои Л.Н. Толстого.

► В высшей степени свойственны (и автору, и героям) самоанализ, с этим, наверное, связана тяга к ведению дневника. Требовательность к себе, моральные штудии – например, склонность выставлять себе оценки за поведение. Ненасчапливость человека. «Дня и сам не знаю себя, понятия не имею. Во всю длинную жизнь свою только изредка, изредка кое-что из меня вышло» (Дневник, 22.10.1899).

► Вся жизнь – движение, путь, поиск истины; сама истина – только кажущаяся, вскорее наступит разочарование. «Чтобы жить честно, надо врать, лгать, биться, ошибаться, начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишиться. А спокойствие – душевная подлость» (п. А.А. Толстой, октябрь 1857 г.).

► Противоречия Л.Н. Толстого, о которых так часто говорили и при жизни писателя, и после его смерти, – не слабость, а сила. Это проявление живой мысли, испытывающей саму себя.

► Важнейшие понятия толстовского мира – гармония и дисгармония, мир и война. Как никто, Л.Н. Толстой умеет изображать цельность бытия (конец II тома «Войны и мира»), момент непосредственной, рационально не объяснимой причастности миру.

► Интерес к природе, ребёнку – как к воплощению *естественного* (важнейшая категория для ЛТ).

► Многообразие и единство мира. Сопряжение, единение (Пьер в Можайске, его сон на постоялом дворе, «сопрягать надо»).

► Микроскоп и телескоп как инструменты Л.Н. Толстого: мельчайшие движения души человека и масштаб общечеловеческий, мировой («Война и мир»).

► Особый писательский облик – никогда не помещался в европейское понятие художника, артиста, литератора, живущего своими писаниями; пророк, проповедник;

Рисунки Нади Рушевой

популярность Толстого и восприятие его в мире – на Западе, в Индии, в США.

На тех же первых двух уроках комментирую список для чтения... Замечу, кстати, что у меня есть сайт, на котором я выкладываю по просьбе своих учеников необходимые материалы.

► Что делать с биографией Толстого? Конечно, подробные уроки, посвящённые жизни писателя, просто невозможны – нет времени. Есть несколько путей. Разумеется, рекомендую книгу В.Б. Шкловского (вышла несколькими изданиями) и книгу, составленную из двух частей, написанных А. Зверевым и В. Тунимановым. Если есть желание сделать доклад на одну из возможных тем (например, «Толстой на Кавказе» или «Толстой на Крымской войне»), то такую возможность я использую. Есть другой путь: ученики задают вопросы – большие или частные – и я на них отвечаю; так, в одном из 10-х классов я рассказывал о последнем десятилетии жизни писателя (несколько человек прочитали «Бегство из рая» П. Басинского и захотели поподробнее поговорить о книге и 1900-х годах в жизни Толстого).

Далее уроки по трилогии. Собственно, все три повести выводить на уроки не приходится – опять-таки из-за нехватки времени. О повести «Детство» мы говорили в 8-м классе – нужно вспомнить всё, что было на уроках два года назад. Включение «Отрочества» даёт возможность вести разговор на более серьёзном уровне. Вот основные тезисы обсуждения:

- Предшественники (Стерн, Руссо, Карамзин) и контекст конца 1840-х – нач. 1850-х гг. (интерес к мемуарам, очеркам в литературе этого времени).
- Дневники как литературная школа – именно в дневниках оттачивается

ся навык самонаблюдения, пристальный психологический анализ; сравнить свои чувства с описанными другими – «у меня не так». «История вчерашнего дня»; многоголосице каждого душевного движения (т. 1 = 90, с. 282).

► День – важнейшая единица «Детства» (ср. Дневник);

► Самоанализ (Чернышевский о Л.Н. Толстом: «Кто не изучил человека в самом себе, тот не поймёт другого человека»);

► Отсутствие сатиры;

► Как описать человека (Дн., 4.07.51):

«Мне кажется, что *описать* человека собственно нельзя; но можно описать, как он на меня действовал. Говорить про человека: он человек оригинальный, глупый, последовательный и т.д. – слова, которые не дают никакого понятия о человеке, а имеют претензию обрисовать человека, тогда как часто только сбивают с толку». Здесь можно прочесть начало 59-й главы первой части «Воскресения» («Люди как реки...») и вместе с детьми прокомментировать этот фрагмент.

► Нет типов (в отличие от Гоголя) – есть только индивидуальности;

► Изображение душевной жизни – смена состояний, над которой не властно сознание; ум – «жалкая пружина моральной деятельности», надо приложить мысль к жизни, глава «Отрочество» – XIX;

► Всё подвергается анализу;

► Замысел – четыре эпохи развития (смысл каждой: детство – весь мир во мне; отрочество – есть мир вне меня – глава «Новый взгляд»; юность – поиск сопряжения моего «я» и мира – и это уже на вою оставшуюся жизнь); почему «Детство», а не «История моего детства»? (см. письмо к Некрасову: *нет дела до моего детства* – важна эпоха в жизни

каждого человека); автобиографичность – и всё же не автобиография.

► Из предисловия – «голос грудной и горлом» (искренность важнее мастерства);

► Интерес к ребёнку («Первые воспоминания», «Воспоминания детства»); интерес к мелочам, гармония, цельность, «Человек рождается совершенным» (Руссо), процесс, а не результат (Чернышевский – «диалектика души»), чистота нравственного чувства (он же); добро и зло: «единственная цель литературы – нравственная» (Дн., 46, 214).

Конечно, что и как обсуждается на уроках – зависит в первую очередь от класса, как и типы домашних и классных работ. Работу по тексту двух повестей я даю в любом случае, а вот темы домашних сочинений – не всегда всем (обязательные), и сами темы могут различаться. Одна моя ученица начала с возражения против формулировки темы «Пустыня отрочества» – и написала блестящее эссе о том, что она открыла для себя в отрочестве. Были интересные работы (скорее, реферативного характера) на тему «Как сделана повесть «Детство?»» и т.д. В последнее время я даю темы домашних сочинений для желающих – и получаю одну-две работы, зато написанные по желанию.

Вторая группа уроков посвящена военным рассказам. Обязательны здесь три – «Набег» и два первых севастопольских. Возьмём для примера вопросы к «Набегу»:

- как выражены в тексте ссылки на свой личный опыт?
- новичок на войне – что даёт этот приём?
- что важнее для ЛТ – ход сражения или поведение человека на войне?
- Хлопов среди персонажей рассказа;
- как изображены военные действия?
- стыдно ли бояться за свою жизнь?
- что такое храбрость?
- спор с романтической традицией – в чём он виден?
- природа и её роль – конец VI гл.

Очень важно приучить учеников задавать вопросы – в т.ч. и по словам, значения которых они не знают. Для этого полезно время от времени проводить небольшие словарные опросы, когда дети должны дать толкования слов из изучаемого произведения.

«Война всегда интересовала меня. Но война не в смысле комбинаций великих полководцев – воображение моё отказывалось следить за такими громадными действиями: я не понимал их – а интересовал меня сам факт войны – убийство. Мне интереснее знать: каким образом и под влиянием какого чувства убит один солдат другого, чем расположение войск при Аустерлицкой или Бородинской битве». Эти строки из черновой рукописи «Набега» написаны намного раньше, чем Толстой примется за описание Аустерлицкой и Бородинской битв. Но в них обозначена одна из главных проблем всего творчества Толстого: что движет человеком в минуту смертельной опасности, что заставляет человека убивать себе подобного? В основе «Набега» – личный военный опыт, наблюдения над собой и другими. Не-

случайно в военных рассказах 50-х годов встречаются обороты типа: «Каждый, бывший в деле, верно, испытывал...» («Рубка леса»), «Кто не испытал, тот не может вообразить себе...» («Севастополь в мае»). Все три казавшихся рассказа написаны от первого лица: создаётся ощущение предельной достоверности.

Кавказские рассказы Толстого отчётливо противостоят романтической традиции изображения этого края. Ротный командир Волхов («Рубка леса») говорит: «Ведь в России воображают Кавказ как-то величественно, с вечными девственными горами, бурными потоками, с кинжалами, бурками, черкешенками...» – писатель разрушает это книжное представление. Вместо напряжённого лирического романтического стиля (как в кавказских повестях А. Бестужева-Марлинского) в прозе Толстого заметны очерковые интонации, приметы документального жанра – корреспонденции с места событий; прежних героев-удальцов сменяют обыкновенные люди. Всякая холодность, неестественность подчёркиваются и снижаются. Уже в первом военном рассказе автор разоблачает позу, противопоставляет простоту и естественность Хлопова актёрству Розенкранца. Эта антигега – одна из основных в толстовском творчестве (вспомним хотя бы Кузузова и Наполеона в «Войне и мире»).

Неприятие войны – основная идея Толстого. В «Набеге» рассказчик спрашивает: «Неужели тесно жить людям на этом прекрасном свете, под этим неизмеримым небом?» Природа противостоит войне и в «Севастополе в мае», и в «Войне и мире», и в «Хаджи-Мурате»: везде у Толстого гармония мира (природа, музыка, любовь) дана как идеал, а дисгармония (война, дуэль, душевный разлад) – как отклонение от идеала, как недолжное. Нередко гармоническое, естественное начало в прозе Толстого воплощено в ребёнке: девочка в первом севастопольском рассказе, мальчик на поле боя в финале «Севастополя в мае» одним своим присутствием подчёркивают неестественность войны. И «детские» вопросы, которые задаёт автор в начале второй севастопольской повести (почему воюют 80 000 солдат с каждой стороны, а не один против одного), обнаруживают силу моральных критериев – всегдашнего толстовского различия добра и зла, – неизменно применяемых автором ко всем его персонажам.

В заключение одно соображение: конечно, «Война и мир» – главная книга Льва Толстого и одна из главных книг русской литературы. Но не стоит, наверное, рассматривать раннее творчество Толстого как подготовку к «Войне и миру». Правильнее, по-моему, так: показать в ранних произведениях писателя его особый взгляд на мир, его особые приёмы художественной работы, которые мы увидим, читая «Войну и мир».

Лев СОБОЛЕВ,
заслуженный учитель РФ
Сайт Л.И. Соболева: <http://sobolev.franklang.ru/>

Полный текст статьи опубликован на сайте «Словесника».

СОБЕСЕДНИК

Важнейший рубеж

Окончание. Начало на стр. 1.

– Какой вам видится роль учителя в учебном процессе?

– На мой взгляд, за учителем – приоритет. Хороший учитель подкорректирует и плохой учебник. Учитель литературы – профессионал своего дела – прекрасно знает предмет, умеет вдохновить, заинтересовать чтением... Уроки такого словесника остаются в памяти детей навсегда. Учительская профессия – профессия массовая, но каждому родителю хочется, чтобы на урок литературы к его ребёнку пришёл необыкновенный учитель. Но современный учитель вместо самообразования тратит время на бумаговодство, а оно способно убить любой энтузиазм. Кроме того, эта рутинная профессия к равнодушию. Творческому учителю сейчас тяжело: разрастающаяся в образовании бюрократия (многочисленные отчёты, планы уроков, которые требуется составлять по множеству формальных параметров, не имеющих отношения к реальному учебно-воспитательному процессу) пожирает силы, время, не оставляет его на чтение новых книг, перечитывание классики, открывающее новые детали и новые смыслы, на культурный рост. Разработана новая методика оценки уровня квалификации педагогических работников (Промсвещение, 2012), изложенная на 91-й странице. «Экспертный лист оценки» уровня квалификации учителя содержит 90 позиций. За каждую компетенцию выставляются баллы, а на их основе по немислимой формуле выводится показатель соответствия учителя занимаемой должности. Что же удивительно тому, что многие хорошие учителя не проходят через это сито, не выдерживают груза отчётности, бюрократической писанины и оставляют школу.

– Какова роль семьи в приучении, приобщении ребёнка к литературе?

– Я с большой теплотой вспоминаю свои субботние уроки в маленькой семейной школе за Сергиевским Посадом, когда на них по моему настоятельному приглашению приходили с детьми их родители, бабушки-дедушки, братья-сёстры, друзья. Мы вместе читали и обсуждали сказки, пословицы, произведения классические и современные. Оказывалось, что они одинаково нас волновали, дети и родители в своих спорах о литературе открывались друг другу по-новому, становились ближе. Возвращает семейные чтения Татьяна Михайловна Кириллуква из православной школы в московских Печатниках. Хотя она не словесник, а математик, но убеждена: совместное чтение скрепляет поколения отцов и детей.

ют книгу, обсуждают её, выполняют задание, работая с текстом. Затем начинается самое интересное: обсуждаются взгляды, мнения трёх поколений о прочитанном. Иногда эти взгляды совпадают, иногда нет, но обсуждение никого не оставляет равнодушным. И всегда находится что-то общее, объединяющее разные поколения. Заканчиваются занятия рекомендациями для следующего семейного чтения. Радует учителей то, что с каждым уроком всё больше становится семей, которые читают, обсуждают книги вместе. Примеров, когда дети читают с интересом, можно привести множество. Не перестаю восхищаться талантом учителей в разных уголках России, люблю и уважаю их за вдохновенный, самоотверженный труд.

К огромному сожалению, из школы уходит театр, а это такая мощная сила чувств, переживаний, он побуждает к внимательному и глубокому осмыслению произведения. Но и здесь есть замечательный опыт. Юлия Рафаэловна Гальямова, учитель школы села Улу-Теляк имени Валерия Лесунова из Республики Башкортостан, ставит с ребятами спектакли. Последний – «История Эсмеральды» по роману В. Гюго «Собор Парижской Богоматери». Школьному театру около 30 учеников. Отбор талантливых детей никогда не проводился. Учителница начинала работать с «трудными», чтобы заинтересовать их чтением классической литературы. Почти все постановки созданы по школьным произведениям для детей разного возраста. В подготовке спектаклей принимают участие все: от директора школы, его заместители и коллег-учителей, родителей до школьного библиотекаря и плотника. Первые зрители – ученики школы, их родители. После первого выступления яркая афиша приглашает в сельский Дом культуры жителей села. И они, и гости из соседних сёл очень довольны созданный на сцене атмосферой театра. Что тут добавишь...

Хорошо бы выделить на телевидении хотя бы часть времени, используемого на изысканные кулинарные рецепты и освещение жизни звёзд шоу-бизнеса, чтобы пропагандировать чтение, в том числе семейное, рассказывать о подлинной, а не псевдокультуре, повышать престиж учительской профессии. Стыдно, когда Л. Якубович на всю страну с умешкой пренебрежительно спрашивает скромную учительницу из села, которую видят по телевизору старенькая мама, ученики и их родители: «Так вы училица?» И так о каждом учителе, попадающем на его программу.

В нынешнее время особенно важно понимать, что в истинной нашей литературе наша надежда на неиссякаемость духовного материка, именуемого Россией, а литература в школе – важнейший рубеж, за падением которого – пустота...

Беседу вела ТАТЬЯНА ШАБАВА

КЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

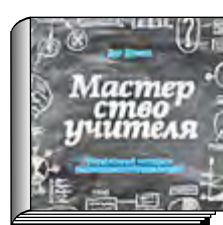
Прочти и пойми

К сожалению, надо признать: полезной методики словесника (выходящей за рамки темы «Как подготовиться к ГИА и ЕГЭ») в России сейчас выходит мало. Поэтому будет нелишним обратить внимание на книгу одного из наиболее авторитетных американских словесников (к тому же управлявшего сетью школ) – ведь базовая задача у российских и американских учителей общая: научить детей читать осмысленно. Наибольший интерес представляет часть этой книги, которую мы попробуем резюмировать.

Дуг Лемов определяет осмысленное чтение как контролируемое, умеренно экспрессивное и эффективно используемое. Контролируемое – значит учителя могут оценить, действительно ли их ученики читают, и читают ли эффективно. Экспрессивное – значит правильно интонируемое. Ну а эффективность – степень осмысленности.

Для лучшего контроля учитель предлагает такие приёмы:

- не обозначать заранее продолжительность чтения и не указывать очерёдность; переходить от одного читателя к другому быстро и с минимумом слов. Непредсказуемость побудит учеников внимательно следить за чтением товарищей;
- использовать «мостики» – периоды чтения самого учителя, которые станут образцом для ребят. В то же время учитель может время от времени делать пробы, которые ученики должны заполнять;
- короткие фразы-метки, услышав которые ученики должны запомнить место, на котором остановилось чтение, и включить в обсуждение. Например: «Глаза на меня».

Дуг Лемов.
Мастерство учителя.
Первые методики выдающихся преподавателей. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – 416 с. – 3000 экз.

Учитель-словесник работает над расширением словарного запаса школьников. Это касается лексики «второго уровня» – слов не повседневно употребляемых, но и не узкоспециальных. Выбираются слова, которые имеют отношение к изучаемой теме, используются приёмы:

- повторы в разных контекстах;
 - сравнения, комбинации, противопоставления (вопросы вроде «чем слово равнодушный отличается от слова апатичный?»);
 - просьба при ответе приводить более яркие слова (чем «большой», например); объяснение, как использовать их в разных формах;
 - напоминание о корнях, составляющих сложное слово;
 - визуализация новых слов с помощью картинок или мимики (можно попросить изобразить ярость или самодовольство).
- Актёрство пригодится и при обучении экспрессии чтения. Дети должны обращать внимание на ремарки. Если в книге написано «резко» или «подавленно» – читающие дети должны взять соответствующий тон. Важно, чтобы дети понимали значе-

ние синтаксиса: союзов, знаков препинания.

Наконец, перейдём к пониманию текста. Первое требование: ученикам должен быть предоставлен контекст. Знание контекста – главное, что отличает эксперта от новичка. Эксперт может не тратить времени на декодирование базового, воспринимаемого лишь поверхностно. Задача учителя сделать так, чтобы ученик уже имел представление о базовом: индейцах, парусных кораблях, революционерах – для книжек с соответствующей тематикой. Необходимо заострять внимание детей на фокусных точках, а также, как пишет Лемов, «лучшие учителя не только заранее знакомят учеников с основными идеями и концепциями нового текста, но и описывают им ключевые сцены, прежде чем дети их прочтут». Американский учитель не доверяет свободной интерпретации, он считает, что детей следует направлять в вопросы, фокусировать их внимание – последовательно – на ключевых словах, потом фразах, затем отрывках и, наконец, сути всего произведения.

Ещё одно свойство лучших учителей словесности: они «постоянно требуют от детей подтверждать ответы фактами из текста, даже если речь идёт о субъективных мнениях», – приводит «доказательства», позволяющие узнать, хорошо ли ученик понял прочитанное. Установление связей «текст – текст», «текст – мир» и «текст – я» необходимо и полезно, однако не должно уводить от обсуждения конкретной книги. Методика «использовать воображение» таит в себе опасность, ибо хотя и мотивирует детей к чтению, отнюдь не всегда обеспечивает действительно понимание прочитанного.

ТОЧКА КИПЕНИЯ

А судьи кто?

Вот уже больше полугодия обсуждаются проблемы, связанные с возвращением в школу экзаменационного сочинения по литературе. Сделаны первые шаги по внедрению некоторых моделей такого сочинения в практику работы школы. Так, 25 апреля во всех десятих классах Москвы было проведено сочинение «по предмету литература», во время которого ученики имели право выходить в интернет. А 16 мая прошла контрольная работа по русскому языку, которая тоже включала в себя сочинение.

Вот темы, которые были предложены. Первый вариант: 1. Умение выбирать продукты и готовить их столь же важно, как знания в области медицины. 2. Научные и технические достижения Востока не менее значимы, чем НТП Запада (что означает буква П, а так и не понял). 3. История читает нам мораль более суровым языком, чем искусство.

Второй вариант: 1. Иногда профессия – это судьба, она выбирает нас. 2. Униформа в одежде – это орфография общественной жизни: её нормы и правила не всегда объяснимы, но всегда приятны. 3. Если лишить учёного права на ошибку, прогресс прекратится.

Прежде чем проанализировать эти темы, небольшое отступление. В посольстве для гимназистов дореволюционной русской школы я встретил тему «Слово Рудина выше дел Штолца». А на сочинении, которое писали мы в 1948 году, была и такая тема: «Всемирной надеждою стала советская наша страна». Ничего не буду говорить о сути этих тем. Только о самой модели: уже в формулировке темы сказано, о чём нужно писать и как.

Я далёк от мысли, что сочинения, написанные по этим темам, всегда были неискренни и даже лживы. Разбирая 50 лет назад архив кабинета русского языка и литературы Московского государственного института усовершенствования учителей, я нашёл машинописную копию сочинения девятиклассника, с которой дружил. Незадолго до того был растерян любимый ею мальчик, обвинённый в участии в несуществующей организации «Местъ за родителей». Но свидетельствую перед историей: она писала своё сочинение о всемирной надежде и товарище Сталине искренно и честно.

Однако сама модель такого сочинения педагогически несостоятельна. Сочинять – значит изобретать, производить духом, силой воображения. Но можно ли творить умственно, производить духом, если перед тобой не задача, а её решение? Потому и нельзя предлагать сочинение на тему «В жизни всегда есть место подвигу» – но можно на тему «Всегда ли в жизни есть место подвигу?». И речь сейчас идёт не об обучении сочинению, а о формировании определённого типа личности.

Так вот во всех шести темах, предложенных десятиклассникам в мае 2014 года, всё, что нужно написать, было уже определено. Между тем во всех темах немало спорного. Хорошо помню, что наши школьники, особенно мальчики, не считали школьную форму «приятной». Умение выбирать продукты и готовить желательно всем. Но знания по медицине (науке) – прежде всего для специалистов. Права на ошибку у учёных не отнимали, но права на истину лишили часто. Достаточно вспомнить о гелиоцентрической астрономии или нашей многострадальной генетике. Что касается морали, которая говорит языком искусства и истории, то прежде

всего скажем, что «Евгений Онегин», «Герой нашего времени», «Вишнёвый сад» и стихи Тютчева мораль не читали. На вопрос о цели поэзии Пушкин, как известно, ответил: «Вот она! Цель поэзии – поэзия». Второе: включённые в школьную программу «Мёртвые души», «Преступление и наказание», «Война и мир», «Тихий Дон», «Один день Ивана Денисовича» говорят об истории на куда более суровом языке, чем школьный учебник истории. И, может быть, главное: предложенные темы вне интересов десятиклассников, к которым обращены. К тому же имеется предостережение: «Раскрывая тезис, опирайтесь в первую очередь на факты и явления, входящие в общеизвестный культурный фонд...» Итак: главное – общеизвестное. А вот личное, тобой увиденное и пережитое – на обочину, даже за границы сочинения. Между тем только когда строку диктует чувство, написанное становится живым, выразительным, образным.

Но был ещё вариант – для «продвинутых» десятиклассников. Им было предложено одно из самых прекрасных, необыкновенных, трагических стихотворений – тютчевское «О, как убийственно мы любим». Сначала десятиклассники должны были выполнить десять заданий (!) по этому стихотворению. Каждый раз при этом указывались строки, где нужно искать ответ. На меня и сам текст стихотворения с пронумерованными строками произвёл гнетущее впечатление. Но я сделал по-другому: просто написал десять строк стихотворения вперемежку с заданиями. И так (стихотворение приводится по тексту, который был предложен ученикам)...

**О, как убийственно мы любим,
Как, в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!**
Напишите форму слова, в конце которого происходит оглушение согласной.

**Давно ль, гордясь своей победой,
Ты говори: она моя...
И год прошёл – спроси и сведай,
Что уцелело от нея...
Выпишите через запятую пару языковых антонимов.**

**Куда ланит девались розы
Улыбка уст и блеск очей?
Всё опалили, выжгли слёзы
Горючей влагою своей.**

Выпишите слово, которое имеет следующую морфемный состав: корень – суффикс.

**Ты помнишь ли, при нашей встрече,
При первой встрече роковой,
Её волшебный взор, и речи,
И смех младенчески-живой?
Выпишите слово, образованное приставоч-
но-суффиксальным способом.**

**И что теперь? И где всё это?
И долговечен ли был сон?
Увы, как северное лето,
Была мимолётным гостем он!
Выпишите вопросительную/ые частицу/у.**

**Судьбы ужасным приговором
Твоя любовь для ней была,
И незаслуженным позором
На жизнь её она легла!
Выпишите словосочетание/я со связью «со-
гласование».**

**Жизнь отреченье, жизнь страданье!
В её душевной глубине
Ей оставались воспоминанья...
Но изменили и оне...
Из части сложного предложения выпишите
грамматическую основу.**

**И на земле ей дико стало,
Очарование ушло...
Толпа, нахлынув, в грязь втоптала
То, что в душе её цвело.**

Среди предложенных фрагментов найдите простое предложение (или часть сложного предложения), представляющее односоставное безличное предложение.

**И что ж от долгого мученья,
Как пепел, сбереж ей удалось?
Боль, злую боль ожесточенья,
Боль без страданий и без слёз!
Среди предложенных фрагментов найдите
предложение, которое содержит ряд однород-
ных подлежащих.**

**О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!
Среди предложенных фрагментов найдите
предложение, которое включает в себя при-
даточную изъяснительную связь.**

Что тут ещё можно сказать? Лучше Тютчева не скажешь. «Очарование ушло». Что может быть кощунственней? Стихотворение превращено в фрагменты. Грамматика убила поэзию. Но это ещё не всё.

«Опираясь на текст лирического стихотворения, предложенного вам для анализа, напишите сочинение-рассуждение. Тему со-

чинения выберите из списка, помещённого ниже. Сформулируйте рабочий тезис сочинения и раскройте этот тезис двумя аргументами, которые опираются на текст предложенного стихотворения. Проявите в вашем сочинении умение анализировать текст и понимание научных терминов, значимых для раскрытия темы. Ваш ответ должен представлять единый связный текст объёмом от 150 слов и содержать тезис, аргументы и вывод».

Темы сочинений для выбора: 1. В поэтическом тексте любое явление языка может приобретать особую смысловую значимость. 2. Потребление некоторых языковых средств способствует диалогизации поэтической речи. 3. Стилистические особенности поэтического текста во многом определяют его жанровыми свойствами.

Не спрашивайте, почему всё это называется анализом. Ведь анализ – постижение художественного произведения, а здесь постижения нет, потому что уже заранее дано то, что следует лишь подтвердить, подогнав под это текст, как указано в задании, лирическое стихотворение. Анализ такого стихотворения – это раскрытие его смысла, мира его чувств и переживаний, его мыслей. Ибо стихи (вспомним Пушкина) – «союз волшебных звуков, чувств и дум». Но ни чувств, ни дум здесь вообще нет. А волшебные звуки заменены псевдолингвистическим словоблудием. И, кроме того, в этом, с позволения сказать, сочинении о лирическом стихотворении нет места лирическим чувствам пишущего, нет своего размышления, своего сопереживания. Всё нужно втиснуть в прокрустово ложе: тезис, два аргумента, научные термины, вывод.

На наших глазах совершенно тройное убийство Тютчева, да и вообще русской поэзии: после такого «анализа» кто же захочет писать о стихах (а может, и читать их)? Сначала стихи отданы на растерзание грамматике. Потом псевдолингвистическим псевдоизысканиям, в которых нужно доказать то, что сказано в формулировке темы. О, как они боятся своего мнения, своего чувства, живого впечатления и живой мысли! А затем ещё отданы на растерзание штампам, стереотипам, схемам и схимам какого-то противостественного стандарта сочинения. И убивается при этом и душа школьника, его способность чувствовать поэтическое слово и способность самому читать по-человечески.

Речь идёт не об ошибках. Во всех тех заданиях, о которых мы с вами говорили, нет ничего нормального и здорового. Здесь ВСЁ абсолютно безграмотно и гнило.

Таковы наши строгие ценители и судьи. И от них зависит судьба тысяч учителей, десятков тысяч школьников, судьба русской литературы в школе.

Лев АЙЗЕРМАН,
заслуженный учитель
Российской Федерации

ОТ АВТОРА. Пользуясь случаем, чтобы обратить внимание читателей «Словесника» на мою небольшую документальную повесть в 8-м номере журнала «Знамя», который есть и в интернете.

КЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

Лиризм и реализм

Светлана Макарова.
Русская словесность: история, теория, методика преподавания. Избранные статьи. – М.: Азбуковник, 2014. – 398 с. – 2000 экз.

Филолог и музыковед Светлана Макарова занималась в первую очередь поэзией – потому в её книге «Русская словесность» многие главы посвящены аспектам русского стихосложения: становлению и совершенствованию метрики, главы обзорные (поэзия 2-й половины XIX века) и частные (лирика Некрасова и Фета, ярких представителей двух направлений в стихотворстве); наконец, здесь есть несколько подробных анализов программных произведений: стихов Жуковского, Тютчева, Пастернака...

Перечислим достоинства этой книги, делающие её полезной для учителя-словесника. Прежде всего это неусложнённый, внятный стиль изложения в сочетании с немалой фактической полнотой. В удачно найденных пропорциях сведены картины биографические и исторические, анализ как формальной стороны художественных произведений, так и содержательной части, всё это преподнесено на фоне литературного и отчасти политического процесса эпохи. Будучи также музыковедом, исследовательница особое внимание уделяет ритму – но и здесь рассказывает об исторических коллизиях становления русской силлабоники; интересен также анализ куприковского «Ранатового браслета» в соотношении с главной музыкальной темой («Бетховенская соната № 2»). Наибольший интерес книга представляет для изучения русской литературы XVIII века (от Тредиаковского и Ломоносова до Фонвизина и Радищева), давая целостный образ этой эпохи.

Наконец, книга, предназначенная для широкого круга читателей, в первую очередь ориентирована именно на учителя-словесника: к примеру, одна из частей озаглавлена «Методика преподавания литературы» и содержит анализы, в том числе сопоставительные, некоторых программных произведений – от «Бедной Лизы» Карамзина до «Шинели» Гоголя и чеховской «Смерти чиновника».

ЗРИ В КОРЕНЬ

Зачем нужны исторические словари?

Ещё не перевелись чудачки, которые задумываются о значении корня слова и пытаются докопаться до первоначального смысла, то есть стараются выяснить этимологию. Если же наш любознательный чудак не владеет законами этой сложной науки (а специалистов в этой области можно пересчитать по пальцам!) и, что часто случается, не знает даже о существовании этимологической науки, то он сам начинает сопоставлять слова, и по созвучию некоторые видятся ему родственными. Это явление называется «народной этимологией» (так случилось с английским по происхождению словом *пиджак* – *rea-jacket* «куртка», которое в народном языке было переосмыслено, и появилось *спинжак*, возникшее под влиянием слова *шина*). Поиски по созвучию не помогут нашему чудачу распознать один и тот же корень в словах *начало* и *конец*!

Научные этимологии приводятся в **этимологических словарях русского языка**, которые входят в такой раздел лексикографии, как **диахроническая (или – историческая) лексикография**.

Попадают другие любопытствующие: им интересно, к примеру, что значило раньше такое бранное слово, как *тролодит* – «грубый некультурный человек» (ответ: первоначально *тролодитами* называли народы, которые строили себе жилище в пещерах); из какого языка оно произошло (ответ: из греческого); когда это слово появилось в русском языке (ответ: оно впервые зафиксировано в древнерусской рукописи Изборника Святослава 1073 г. в форме *тролодугте*, отражающей звучание формы именительного падежа множественного числа в греческом языке). И ещё откроем нашему любопытствующему читателю, что впервые в русской письменности это слово получило объяснение в XVII веке, в «Алфавите», собрании слов, которое представляет собой один из первых словарных опытов: *Тролодита – люди, иже живут во Африкской земли по горам, аки змии*.

А нашим детям, да и нам самим, читателям классической русской литературы, всё ли ясно? Культура золотого века Пушкина, Гоголя, Достоевского и Толстого видится современной молодёжи где-то в туманном прошлом. «*Ямщик сидит на облучке, в тулупе, в красном кушаке...*» – в этих строчках Пушкина теперь не вызывают вопросов только слова *сидит* и *(в) красном*, прочие могут вызвать у школьников затруднения.

Для того чтобы продемонстрировать историческую эволюцию каждого слова во времени (его фонетические, морфологические, грамматические особенности и семантические изменения), создаются **исторические словари русского языка**.

Речь идёт о лингвистическом произведении, в котором отражена история слов русского языка на протяжении определённого исторического периода. Разработка диахронического развития ведётся с опорой на свидетельствования существующих многожанровых памятников русской письменности соответствующего временного среза. Историческая лексикография активно развивается. В Москве, в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН, составляют и издают два исторических словаря: «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.» (СДРЯ, первый том вышел в 1988 г., в 2013 г. появился очередной, 10-й том) и «Словарь русского языка XI–XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII вв., издаётся с 1975 г., в 2011 г. опубликована очередная, 29-й выпуск). В Санкт-Петербурге, в Институте лингвистических исследований РАН, готовят «Словарь русского языка XVIII в.» (СлРЯ XVIII в., публикуется с 1984 г., очередной, 20-й выпуск, вышел в 2013 г.) и «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв.» (издание осуществляется с 2004 г.).

К исторической лексикографии относятся и лексиконы, описывающие слова одного произведения древнерусской литературы, таких,

например, «Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» (составитель В.Л. Виноградова. Л., 1965–1984).

Помимо названных крупных многотомных словарей, которые специалисты называют «историческими словарями русского языка (а общепилологического типа)», во многих университетских центрах нашей страны ведётся работа над областными историческими словарями. В них представлена лексика, сохранившаяся в архивных матери-

алах соответствующего региона и в местных памятниках письменности.

Всё больший интерес вызывают тематические исторические словари: таков, к примеру, «Словарь золотого промысла Российской Империи», составленный О.В. Борхвальдт (М., 1998), где приведены толкования более 1500 специальных наименований русского золотого промысла XVIII–XIX вв. Появились паремииологические исторические словари, содержащие описание языка пословиц и поговорок определённой эпохи.

Зачем нужно такое множество исторических словарей?

Во-первых, богатство русского языка, девяти веков его развития, представленное в многочисленных разножанровых памятниках русской письменности, требует всестороннего описания словарного состава.

Во-вторых, в ходе работы над тремя самыми крупными историческими словарями (СДРЯ, СлРЯ XI–XVII вв. и СлРЯ XVIII в.) выяснилось, что на сегодняшний день не удаётся охватить в одном словаре невероятно богатый лексический материал рус-

ско-английский словарь, **основанный на исторических принципах** (New English Dictionary on Historical Principles, 1-е изд.: 1884–1928, 500 тыс. слов). Этот словарь включает все слова английского литературного и разговорного языка с 1150 года до момента его создания. В настоящее время готовится новое переработанное издание, которое будет существовать только в электронном виде. Согласно информации, представленной в интернете, над изданием работают 80 специалистов!

Самые крупные исторические словари русского языка «перевалили» за половину алфавита, близок к завершению «Словарь русских народных говоров», существуют многочисленные словари современного русского языка, в том числе академические, ведётся работа над словарями нового типа, которые включают дополнительную информацию, касающуюся истории слов. Наконец, Российская академия наук сформировала Национальный корпус русского языка, имеющий несколько подкорпусов, в их числе – древнерусский.

Всё это свидетельствует о том, что почва для создания **полного словаря русского языка**, включающего всю лексику современного русского языка и исторических источников, подготовлена. Как работать с таким огромным (пока не существующим) словарём рядовому, как говорят, «пользователю»? Начнём с того, что обратятся к нему ради приобретения новых интересных и, что очень важно, достоверных и научно обоснованных знаний, конечно, люди подготовленные. Дело в том, что **словарь нужно уметь читать**, поскольку это в высшей степени лаконичный жанр: очерк, посвящённый одному слову (*словарная статья*), при всей краткости вмещает множество сведений разного рода, начиная с лингвистических (это так называемые грамматические, стилистические пометы, указания на происхождение, данные о развитии значений слова, под-

тверждаемые расположенным в хронологической последовательности цитатным материалом), заканчивая информацией культурно-исторического характера, отражающей многовековое развитие русской культуры и её взаимодействие с культурами других народов. Только один пример. Слово *ульг* в «программном» стихотворении А.С. Пушкина «Пророк»: *И он мне грудь расцёл мечом, / И сердце трепетное вынул, / И ульгу, пылающий огнём, / Во грудь отверстную водвилул* – в «Словаре языка Пушкина» (2-е изд. М., 2001) толкуется как «уоль». Между тем в готовящемся к изданию 31-м выпуске СлРЯ XI–XVII вв. находится обширный материал, не только указывающий на библейский источник сюжета, использованного Пушкиным (Книга пророка Исайи, VI, 6–7), но говорящий также о разных возможностях осмысления этого сюжета в древнерусской оригинальной и переводной литературе (первые примеры относятся к XI веку), когда, имея в виду промыслительную направленность событий, описанных в Книге пророка Исайи, под *ульгом* могли символически понимать: Христа, святого, мученика, христианское учение и истину. В свете таких знаний, согласитесь, совсем иначе читаются строки из заключительной строфы ахматовского «Подражания И.Ф. Анненскому»: *О, сказавший, что сердце из камня, / Знал наверно: оно из огня...*, переключаясь со строками из трагедии Анненского «Царь Икснон»: *Горит / У Икснона в сердце камень чёрный, где под чёрным камнем подракумевется тот самый ульг*.

Выбранный пример указывает на то, что в недрах слов русского языка сокрыты многовековые культурные пласты, обнаружить – «выскрывать» – которые помогают исторические словари русского языка.

МАРГАРИТА ЧЕРНЫШЁВА,
доктор филологических наук,
профессор ИРЯ
им. В.В. Виноградова РАН